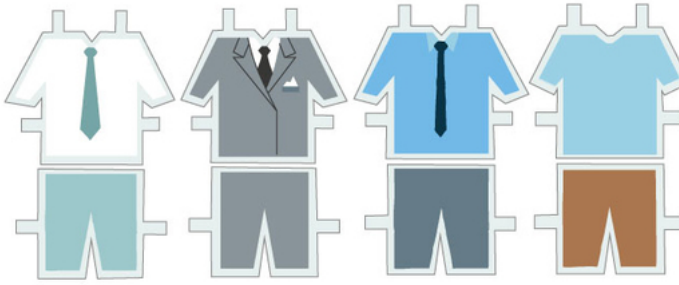

поймай меня, если сможешь

реальная история самого неуловимого мошенника за всю историю преступлений

фрэнк абигнейл

тот самый мошенник

Фрэнк Абигнейл

Поймай меня, если сможешь. Реальная история самого неуловимого мошенника за всю историю преступлений

Серия «Проект TRUESTORY. Книги, которые вдохновляют»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23214488
Поймай меня, если сможешь. Реальная история самого неуловимого мошенника за всю историю преступлений / Фрэнк Абигнейл ; [пер. с англ. А.В. Филонова].: «Э»; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-90873-8

Аннотация

Книга, которая легла в основу культового фильма Стивена Спилберга с Леонардо Ди Каприо и Томом Хэнксом в главных ролях теперь и в аудиоформате! Поймай меня, если сможешь. Реальные приключения самого неуловимого мошенника за всю историю преступлений.

Фрэнка Абигнейла называли одним из самых хитроумнейших блинопеков, кидал, кукольников и ломщиков, мошенником

такого калибра, что запросто тянул на премию Академии "Оскар". Фрэнк начал свою "карьеру" в 15 лет, впервые обманув своего отца. А затем, испытав вкус к аферам, начал подделывать денежные чеки. Фрэнка разыскивали лучшие американские ищейки из ФБР и полицейские всей Европы. Скрываясь от преследования, он выдавал себя за пилота, профессора, врача-педиатра, адвоката, помощника прокурора и даже агента ФБР. За 5 лет Фрэнк заработал больше денег, чем люди всех этих профессий за всю жизнь.

Содержание

I. Подлеток 6
II. Пилот 34
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Фрэнк Абигнейл Поймай меня, если сможешь. Реальная история самого неуловимого мошенника за всю историю преступлений

Frank W. Abagnale with Stan Redding

CATCH ME IF YOU CAN:
The True Story of a Real Fake

© 1980 by Frank W. Abagnale.
This translation published by arrangement with Broadway Books,
an imprint of the Crown Publishing Group, a division
of Penguin Random House LLC and with Synopsis Literary Agency.

© Филонов А.В., перевод на русский язык, 2017
© Коломина С., иллюстрации, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

I. Подлеток

Альтер эго человека – не более чем взлелеянный им собственный образ. Зеркало в моем номере парижского отеля «Виндзор» продемонстрировало мой излюбленный собственный образ: наделенный загадочным обаянием молодой пилот авиалайнера с чистой кожей, косой саженью в плечах и чрезвычайно ухоженный. Скромность не входит в число моих добродетелей. Да и сама добродетель в то время не входила в число моих добродетелей.

Удовлетворившись собственным обликом, я подхватил сумку, покинул номер и две минуты спустя стоял перед окошком кассира.

– Доброе утро, капитан, – теплым тоном поприветствовала кассирша.

Шевроны на моем форменном кителе ясно говорили, что я первый офицер, но уж таковы французы – приукрашивают все, кроме своих женщин, вина и искусства.

Я расписался в счете отеля, который она подвинула мне через окошко, хотел было уйти, но тут же обернулся, вынимая из внутреннего кармана кителя чек на жалованье.

– Ах да, вы не могли бы мне это обналичить? Ваша парижская ночная жизнь обобрала меня до нитки, а домой я попаду только через неделю, – горестно усмехнулся я.

Взяв чек «Пан Американ Уорлд Эйрвейз», она поглядела

на сумму.

– Уверена, капитан, что могли бы, но мне нужно получить одобрение начальника на такую большую сумму. – Она направилась в кабинет позади нее, через минутку вернулась с довольной улыбкой и протянула мне чек для подписи. – Как я понимаю, вы предпочтете американские доллары? – справилась она и, не дожидаясь ответа, отсчитала мне 786 долларов 73 цента банкнотами и звонкой монетой янки. Пятидесятидолларовую купюру я с улыбкой подвинул обратно:

– Был бы искренне благодарен, если бы вы взяли на себя труд позаботиться о нужных людях, раз уж я был столь беззаботен.

– Разумеется, капитан, – просияла она. – Вы очень добры. Безоблачного вам неба и мягкой посадки. Навещайте нас снова.

Я взял такси до Орли, велев водителю высадить меня у входа TWA[1]. Без остановки миновав билетную кассу TWA в вестибюле, я предъявил свою лицензию FAA[2] и удостоверение сотрудника «Пан-Ам» представителю компании TWA по обеспечению полетов. Он сверился со своим манифестом.

– Ладно, второй пилот Фрэнк Уильямс, эстафетой следующий в Рим. Уяснил. Заполните это, будьте добры, – вручил он мне знакомый розовый бланк для некоммерческих пасса-

[1] TWA – Trans World Airlines, один из крупнейших авиаперевозчиков США. В те годы уступала только компании «Пан-Ам». – *Здесь и далее примеч. пер.*

[2] FAA – Федеральное управление гражданской авиации США.

жиров.

Я вписал нужные данные, потом, подхватив свою сумку, направился к турникету таможни с табличкой «ТОЛЬКО ДЛЯ ЧЛЕНОВ ЭКИПАЖЕЙ». Начал было закидывать сумку на стойку, но инспектор – морщинистый старичок с жиденькими усиками, – узнав меня, взмахом руки дал знак проходить.

Когда я зашагал к самолету, за мной увязался мальчонка, беззастенчиво с восторгом воззрившийся на мой мундир, сверкающий золотыми шевронами и прочими регалиями.

– Вы пилот? – с британским акцентом полюбопытствовал он.

– Не-а, всего лишь пассажир, как и ты, – ответил я. – Пилот я только на самолетах «Пан-Ам».

– Вы пилотируете семьсот седьмые?

– Было дело, но раньше, – покачал я головой. – Сейчас я на Ди-Си-восьмых.

Я люблю детишек. Этот паренек напомнил мне меня самого парой лет раньше.

Когда я ступил на борт самолета, встретившая меня привлекательная стюардесса-блондинка помогла мне уложить сумку в отсек для багажа экипажа.

– В этом рейсе мы под завязку, мистер Уильямс, – сообщила она. – Вы обставили двоих других парней, претендовавших на откидное сиденье. Кабину буду обслуживать я.

– Мне только молока, – отозвался я. – И я не буду в пре-

тензии, если вам будет недосуг. Безбилетники не смеют претендовать на большее, чем бесплатная поездка.

И нырнул в кабину. Первый и второй пилоты вкупе с бортинженером занимались предполетной проверкой бортовых систем и приборов, но любезно прервались при моем появлении.

– Привет, я Фрэнк Уильямс, «Пан-Ам», и не хочу вам мешать, – произнес я.

– Гэри Джайлс, – сказал пилот, протягивая руку, и кивнул на двоих других: – Билл Остин, номер два, и Джим Райт. Рады вашей компании.

Обменявшись рукопожатиями с двумя остальными летчиками, я опустился на откидное сиденье, предоставив им заниматься своим делом.

Не прошло и двадцати минут, как мы уже были в воздухе. Джайлс поднял 707-й на высоту 30 тысяч футов, сверился с приборами, дал отбой связи с вышкой в Орли, отстегнул ремни и выбрался из кресла. И, с небрежной тщательностью смерив меня взглядом с головы до ног, указал на свое место.

– Почему бы вам немного не подержаться за рога, Фрэнк? А я пока схожу покручусь среди платных пассажиров.

Его предложение было жестом вежливости, порой проявляемой по отношению к летящим эстафетой пилотам конкурирующих авиалиний. Опустив фуражку на пол кабины, я скользнул в командирское кресло, чрезвычайно отчетливо осознавая, что в мои руки вверены 140 жизней, считая и мою

собственную.

Остин, принявший управление, когда Джайлс покинул свое место, уступил его мне, широко улыбнувшись:

– Судно ваше, капитан.

Я без отлагательств перевел гигантский реактивный лайнер на автопилот, адски уповая, что гаджет работает, потому что сам я не сумел бы управлять даже воздушным змеем.

Я не то что не был пилотом «Пан-Ам», я вообще не был пилотом. Я был самозванцем, одним из самых разыскиваемых преступников на четырех материках, и в это самое время прокручивал свою аферу, водя добрых людей за нос.

Я побывал миллионером добрых два с половиной раза еще до того, как мне стукнуло двадцать один. И все деньги до последнего цента добыл воровством, тут же промотав на охапки шмоток, изысканные блюда, шикарные апартаменты, фантастических лисичек, дивные тачки и прочие плотские радости. Я кутил во всех столицах Европы, нежился на солнышке на всех знаменитых пляжах и сибаритствовал в Южной Америке, на южных морях, на Востоке и в самых благополучных уголках Африки.

Впрочем, такая жизнь была отнюдь не благостной. Не могу сказать, что постоянно держал палец на тревожной кнопке, но отмотал в своих кроссовках немало миль. Я невесть сколько раз смывался через боковые двери, по пожарным лестницам и по крышам.

За пять лет я в спешке побросал больше шмоток, чем большинство людей успевает купить за всю жизнь. Я был куда более склизким, чем эскарго под сливочным маслом.

Как ни странно, преступником я себя отнюдь не считал. Конечно, я им был, и факт этот осознавал. Власти и репортеры называли меня одним из хитроумнейших блинопеков, кидал, кукольников и ломщиков, мошенником такого калибра, что запросто тянул на премию «Оскар». Жуликом и аферистом я был жуть каким одаренным. Порой я и сам диву давался иным из своих перевоплощений и надувательств, но не предавался самообольщению ни на миг. Я всегда осознавал, что я Фрэнк Абигнейл-младший, что я кидала и фальсификатор, и если когда меня и поймают, удостоят отнюдь не «Оскаром», а солидным сроком.

И был прав. Я отбыл срок во французском каземате, чалился на нарах в шведском цугундере и очистился от всех моих американских грехов в Питерсберге в штате Виргиния, в федеральной тюряге. Пребывая в последней из тюрем, я добровольно подвергся психологическим исследованиям, проводившимся криминалистом-психиатром Виргинского университета. Он добрых два года устраивал мне разного рода письменные и устные тесты, в ряде случаев прибегая к инъекциям сыворотки правдивости и к проверкам на полиграфе[3].

Мозгоправ пришел к заключению, что у меня очень низ-

[3] Он же детектор лжи.

кий криминальный порог. Иначе говоря, в первую голову преступления – не моя стезя.

Один из нью-йоркских копов, в доску расшибавшийся, чтобы поймать меня, прочитав этот отчет, только фыркнул.

– Этот психушный докторишка пудрит нам мозги, – презрительно бросил он. – Этот мазурик берет несколько сотен банков, выносит из половины отелей мира все, кроме простынок, обставляет все авиалинии в небесах, и большинство их стюардесс в том числе, втюхивает столько липовых чеков, что хватит оклеить все стены в Пентагоне, затевает собственные сраные колледжи и университеты, выставляет половину копов в двадцати странах полными отморозками, попутно воруя больше двух миллионов долларов, и после этого у него *низкий* криминальный порог?! А что бы он сделал, будь у него *высокий* криминальный порог, обчистил бы Форт-Нокс[4], что ли?

Этот же детектив заявился ко мне с газетой, потому что мы уже успели стать дружелюбными противниками.

– Ты ведь надул этого мозгоправа, а, Фрэнк?

Я поведал ему, что отвечал на каждый заданный вопрос со всей возможной правдивостью, что выполнял каждый данный мне тест честно, как только мог, но его не убедил.

– Нетушки, – заявил он, – этих федералов ты обдурить

---

[4] В Форт-Ноксе расположено хранилище золотого запаса США. Почему-то пользуется большей популярностью, чем Федеральный резервный банк Нью-Йорка, золотой запас которого заметно больше.

можешь, но только не меня. Ты обжулил этого мозгокопальщика. – Он покачал головой. – Да тебе родного отца надуть, как два пальца об асфальт, Фрэнк.

Родного отца я уже надул. Мой отец стал вехой, первым банком, который я сорвал. У папы была одна черта, необходимая для идеального лоха, – слепое доверие, и я развел его на 3400 долларов. Тогда мне было всего пятнадцать.

Родился и первые шестнадцать лет я провел в нью-йоркском Бронксвилле. Я был третьим из четверых детей и тезкой собственного папы. Если бы я хотел жульнически давить на жалость, я бы сказал, что был порождением распада семьи, потому что мои родители разошлись, когда мне было двенадцать. Но этим я бы только возвел на своих родителей напраслину.

Больше всех от раскола, а там и развода, пострадал папа. Он искренне любил маму. С моей матерью, Полетт Абигнейл – франко-алжирской красавицей, папа познакомился во время армейской службы в Оране в период Второй мировой войны. Маме тогда было только пятнадцать, а папе двадцать восемь, и хотя в то время такая разница в возрасте выглядела несущественной, мне всегда казалось, что она сыграла свою роль в разрыве их брака.

После демобилизации папа открыл собственный бизнес в Нью-Йорке – магазин канцтоваров на углу Сороковой и Мэдисон-авеню, который назвал «Грамерсиз». И очень преуспел. Мы обитали в большом роскошном доме, и хотя и не

были сказочно богаты, но жили в достатке. В детские годы мои братья, сестра и я не знали недостатка ни в чем.

О серьезных неладах между родителями ребенок зачастую узнает последним. Я знаю, что в моем случае это действительно так, и не думаю, что братья и сестра были осведомлены хоть капельку больше моего. Мы думали, мама довольна своей ролью домохозяйки и матери, и это соответствовало истине – в какой-то мере. Но папа был не просто преуспевающим бизнесменом. Он проявлял немалую активность и в политике, являясь одним из членов республиканской партии в административном округе Бронкса. Он был экс-президентом Нью-йоркского атлетического клуба, и уйму времени проводил там со своими деловыми и политическими корешами.

А еще папа был увлечен морской рыбалкой. Он вечно летал то в Пуэрто-Рико, то в Кингстон, то в Белиз или какой-нибудь другой курорт на Карибах ради рыболовных экспедиций в открытое море. Маму с собой он никогда не брал, а следовало бы. Моя мама стала феминисткой еще до того, как Глория Стейнем[5] сообразила, что ее «Мэйденформ» прекрасно горит. И вот однажды, вернувшись с вылазки за марлинами, папа обнаружил, что его домашний садок пуст-

[5] Глория Мари Стейнем (род. 25 марта 1934 г.) – американская икона феминистического движения за равноправие женщин, социальная и политическая активистка. В числе первых публичных акций стало публичное сожжение лифчиков, каковые считались олицетворением неравноправия. «Мэйденформ» – известный производитель женского белья.

пустехонек. Мама собрала вещи и переехала вместе с нами, тремя мальчиками и сестренкой, на квартиру. Мы были малость озадачены, но мама спокойно растолковала, что они с папой больше не подходят друг другу и предпочли жить порознь.

Во всяком случае, жить порознь предпочла она. Папу мамин поступок шокировал и ранил в самое сердце. Он умолял ее вернуться, обещал стать прекрасным мужем и отцом, клялся урезать свои эскапады в открытое море. Предлагал даже поставить крест на политической деятельности. Мама слушала, но ничего не обещала. И скоро стало очевидно – если и не папе, то мне-то уж точно, – что идти на мировую она вовсе не собирается. Она поступила в Бронкский зубоврачебный колледж, чтобы выучиться на зубного техника.

Папа не сдавался. Наведывался к нам на квартиру при каждом удобном случае, умоляя, умасливая, упрашивая и улещивая ее. Порой он выходил из себя.

– Черт побери, женщина, нешто ты не видишь, что я люблю тебя! – ревел он.

Разумеется, на нас, мальчиках, эта ситуация не могла не сказаться. В частности, на мне. Я любил папу. Я был с ним ближе всех, и он то и дело пускал меня в ход в своей кампании по отвоеванию мамы. «Потолкуй с ней, сынок, – просил он меня. – Скажи ей, что я ее люблю. Скажи ей, что нам всем будет лучше, если мы будем жить вместе. Скажи, что тебе будет лучше, если она вернется домой, что всем детям

будет лучше».

Он давал мне подарки для мамы и натаскивал меня в произнесении речей, призванных сломить сопротивление матери.

В качестве юного Джона Олдена[6] для отца в роли Майлза Стэндиша[7] и матери как Присциллы Маллинз[8], я потерпел полнейшее фиаско. Обжулить мою мать было невозможно. А папа, пожалуй, сам же вырыл себе яму, потому что маме пришлось очень не по душе, что он использовал меня вместо пешки в их матримониальных шахматах. Она развелась с папой, когда мне было четырнадцать.

Папа был совсем раздавлен. Я был огорчен, потому что искренне хотел, чтобы они снова сошлись. Надо отдать папе должное, уж если он полюбил женщину, то полюбил навсегда. Он так и тщился добиться расположения мамы до самой своей смерти в 1974 году.

Когда мама наконец развелась с отцом, я вызвался жить с папой. Мама от моего решения была не в восторге, но я чувствовал, что папа нуждается хоть в одном из нас, что он не должен оставаться один-одинешенек, и убедил ее. Папа обрадовался и проникся благодарностью. Лично я в этом ре-

---

[6] Джон Олден (прибл. 1599–1687) был членом команды легендарного корабля пилигримов «Мэйфлауэр». Занимал ряд важных правительственных постов.

[7] Майлз Стэндиш (прибл. 1584 – 3 октября 1656 г.) – английский офицер, нанятый пилигримами в качестве военного советника Плимутской колонии.

[8] По словам Лонгфелло, в своих письмах Олден неустанно повторял имя Присциллы: «Нрав неустанно хваля молодой пуританки Присциллы!»

шении не раскаялся ни разу, а вот папа, наверно, о нем пожалел.

Жизнь с отцом оказалась совершенно другой песней. Я провел уйму времени в ряде шикарнейших нью-йоркских салунов. Я узнал, что бизнесмены не только тешат себя тремя порциями мартини за ланчем, но и заливают за воротник прорву ерша за бранчем, а еще уговаривают десятки виски с содовой за обедом. Политики, как я быстро заметил, тоже куда лучше ухватывают мировые события и шире распахивают свои кормушки, когда держатся за бурбон со льдом. Папа заключал уйму своих сделок и совершил изрядное количество политических маневров, не отходя от стойки бара, пока я ждал неподалеку. Поначалу пьянство отца меня беспокоило. Я вовсе не считал его алкоголиком, но выпить он был здоров, и я тревожился. И все же я ни разу не видел его пьяным, хотя пил он непрерывно, и через какое-то время я решил, что у него иммунитет на горькую.

Я был очарован папиными коллегами, друзьями и знакомыми. Они являли взору весь спектр социальных слоев Бронкса – политических шестерок, легавых, профсоюзных боссов, представителей деловой администрации, дальнобойщиков, подрядчиков, биржевых маклеров, клерков, таксистов и промоутеров. Словом, от и до. Некоторые будто сошли прямо со страниц Дэймона Раньона[9].

---

[9] Альфред Дэймон Раньон (4 октября 1880 – 10 декабря 1946 г.) – американский газетчик и писатель. Прославился своими рассказами о жизни нью-йорк-

Проболтавшись так при папе с полгода, я стал тертым калачом и стреляным воробьем. Не совсем то образование, какое уповал дать мне папа, но другого в шалманах не получишь.

Папа пользовался немалым политическим влиянием. Я изведал это, когда принялся прогуливать уроки, тусуясь с окрестными проблемными подростками. Они вовсе не были членами шайки или типа того. Они не были замешаны ни в чем серьезном – просто ребята из трудных семей, домогавшиеся внимания хоть с чьей-нибудь стороны, пусть даже инспектора по делам несовершеннолетних. Может, как раз потому-то я и начал шляться с ними. Наверно, я и сам жаждал внимания. Мне хотелось, чтобы мои родители снова сошлись, и в то время мне смутно мнилось, что если я буду вести себя как малолетний преступник, это может послужить почвой для воссоединения.

В роли малолетнего преступника я не очень-то преуспел. По большей части, тыря конфеты и пробираясь в кино без билета, я чувствовал себя круглым дураком. Я был куда более зрелым, чем мои кореша, и куда более крупным. В пятнадцать лет физически я был полностью развит – шести футов ростом и 170 фунтов весом[10]; пожалуй, большинство выходок так легко сходило нам с рук как раз потому, что при взгляде на нас люди принимали меня за учителя, пасущего

ского Бродвея в эпоху Сухого закона.

[10] 6 футов = 183 см, 170 фунтов = 77 кг.

группу учеников, или старшего брата, приглядывающего за малышней. Порой и у меня самого складывалось такое же впечатление, и зачастую их ребячливость действовала мне на нервы.

Но что досадовало меня больше всего, так это нехватка у них стиля. Я довольно рано узнал, что шиком восхищаются все. Почти на любой промах, грех или преступление взирают куда снисходительней, если таковой совершен с шиком.

Эта шпана не могла даже угнать автомобиль как следует. В первый раз подорвав тачку, они заехали за мной, и не успели мы проехать и милю, как нас остановила патрульная машина. Эти отморозки укатили машину с подъездной дорожки, пока владелец поливал собственный газон. Все мы угодили на курорт для малолетних.

Папа не только вытащил меня, но и позаботился, чтобы все упоминания о моем участии в этом инциденте из документов исчезли. Это политиканское фокусничество в будущие годы лишило множество копов сна. Даже слона найти легче, если взять его след с самого начала охоты.

Папа меня не корил.

– Все мы допускаем ошибки, сынок, – сказал он. – Я понимаю, что ты пытался сделать, но ты взялся не с того конца. По закону ты еще ребенок, хотя вымахал с мужчину. Пожалуй, тебе пора и мыслить по-мужски.

Я расстался с прежними приятелями, снова стал регулярно посещать школу и устроился на неполную ставку экспе-

дитором одного склада в Бронксвилле. Папу это обрадовало – обрадовало настолько, что он купил мне «Форд» с пробегом, который я прокачал, превратив в настоящую ловушку для лисок.

Если мне на кого и возлагать вину за свои будущие нечестивые поступки, то на этот «Форд».

Этот «Форд» разорвал все нравственные фибры моей души. Он свел меня с девушками, и я потерял голову на добрых шесть лет. Это были чудесные годы.

Несомненно, в жизни мужчины есть и другие периоды, когда либидо затмевает его здравомыслие, но ничто так не давит на префронтальные доли, как постпубертатные годы, когда в голове творится кавардак и каждая встречная роскошная цыпочка только увеличивает напор. Конечно, в свои пятнадцать лет я кое-что знал о девочках. Они устроены иначе, чем мальчишки. Но не знал почему, пока однажды, остановив свой прокачанный «Форд» на красный свет, не заметил девушку, уставившуюся на меня и на мой автомобиль. Заметив, что привлекла мое внимание, она проделала глазами нечто эдакое, тряхнула передом и извернулась задом, и внезапно я захлебнулся собственными мыслями. Она сломила плотину. Не помню, ни как она оказалась в машине, ни куда мы отправились после этого, но помню, что она вся была шелковой, мягкой, уютной, теплой, благоухающей и абсолютно восхитительной, и я понял, что нашел контактный спорт, которым могу искренне наслаждаться. Она вытворяла

со мной такое, что могло бы увлечь колибри прочь от гибискуса и заставить бульдога порвать цепь.

Меня отнюдь не впечатляют современные тома о женских правах в спальне. Когда Генри Форд изобрел «Модель Т», женщины сбросили свои панталоны и секс стал доступным на дорогах.

Женщины стали моим единственным пороком. Я ими упивался. Мне их всегда было мало. Я просыпался с мыслью о девушках. Я засыпал с мыслью о девушках. Сплошь обаятельных, длинноногих, головокружительных, фантастических и чарующих. Я пускался в изыскательские экспедиции за девушками на рассвете. Я выбирался ночью, чтобы рыскать в их поисках с фонариком. Дона Жуана донимало лишь легкое тепло по сравнению с пожиравшим меня жаром. Я был одержим киськами.

После первых стычек я тоже стал обаятельным любовником. Девушки вовсе не обязательно разорительны, но даже самая резвая фройляйн время от времени рассчитывает на гамбургер и «колу» – просто для поддержания сил. Я же едва зарабатывал на хлеб, так где уж там думать о масле. Мне нужно было изыскать способ потрясать мошной.

Я воззвал к папе, понятия не имевшему о моем открытии девушек и сопутствующих им радостей.

– Папа, очень клево, что ты дал мне машину, и я чувствую себя дебилом, прося о большем, но у меня проблемы с этой машиной, – взмолился я. – Мне нужна кредитная карточка

на бензин. Мне платят лишь раз в месяц, а со всеми школьными ланчами, походами на матчи, свидания и всякое такое у меня порой не хватает бабок, чтобы заплатить за бензин. Я постараюсь оплачивать счета самостоятельно, но обещаю не злоупотреблять твоей щедростью, если ты позволишь мне завести карточку на бензин.

Я был речист, как ирландский барышник, и в тот момент вполне искренен. Поразмыслив над просьбой пару минут, папа кивнул.

– Ладно, Фрэнк, я тебе верю, – с этими словами он извлек из бумажника свою карточку «Мобил». – Бери эту карточку и пользуйся. Отныне я больше не стану расплачиваться с помощью «Мобил». Это будет твоя карта, и в разумных пределах оплачивать счета должен будешь ты, когда они будут приходить. Я не буду тревожиться, что ты обманешь мое доверие.

А следовало бы. В первый месяц уговор сработал как часы. Когда пришел счет «Мобил», я оплатил платежное поручение на означенную сумму и отправил его нефтяной компании. Но этот платеж обобрал меня до нитки, и я снова оказался повязан по рукам и ногам в своих неустанных исканиях девушек. Во мне начала закипать досада. Как ни крути, стремление к счастью – неотчуждаемая американская привилегия, не так ли? Я чувствовал себя лишенным своих конституционных прав.

Кто-то однажды сказал, что честный человек – фикция.

Наверное, автор этого высказывания был мошенником. Это излюбленный аргумент прощелыг. По-моему, уйма народу представляет себя в роли суперпреступников, международных похитителей бриллиантов или что-то типа того, но все это ограничивается их фантазиями. Я думаю, еще уйма народу время от времени испытывают настоящее искушение совершить преступление, особенно если можно хорошо погреть руки, да притом им кажется, что их с этой аферой не увяжут. Обычно такие люди искушению не поддаются. Им присуще прирожденное восприятие добра и зла, и верх берет здравый смысл.

Но есть и тип личностей, чье стремление к первенству попирает рассудок. Определенные ситуации провоцируют их точно так же, как альпиниста высокий пик – одним лишь фактом своего существования. Добро и зло в расчет не входят, да и последствия тоже. Эти люди считают преступление своего рода игрой, и целью является не только барыш; успех предприятия куда важнее. Разумеется, если прибыль будет обильной, это тоже приятно.

Эти люди – гроссмейстеры преступного мира. Как правило, они наделены гениальным интеллектом, и их воображаемые кони и слоны всегда атакуют. Шанс получить мат они даже не рассматривают. Их неизменно поражает, когда их облапошивает коп со средним уровнем интеллекта, а этого копа неизменно поражают их мотивы. Преступление вместо головоломки? О господи!

Но меня на первое мошенничество толкнул отнюдь не дух соперничества. Я нуждался в деньгах, да еще как! Всякий, кто хронически помешан на девушках, нуждается во всей финансовой поддержке, какая только доступна. Впрочем, я даже особо не парился из-за нехватки средств, когда в один прекрасный день остановился на заправке «Мобил» и углядел большой плакат перед стойкой с шинами. «ПОСТАВЬТЕ СВОЮ ПОДПИСЬ НА ЧЕКЕ "МОБИЛ", И МЫ ПОСТАВИМ КОМПЛЕКТ ШИН НА ВАШУ МАШИНУ», – гласил плакат. Тогда-то я впервые и смекнул, что карточка «Мобил» годится не только для бензина и масла. Шины мне не требовались – на «Форде» они были практически новые, – но пока я разглядывал плакат, меня внезапно озарила четырехходовая комбинация. «Черт, а ведь это даже может сработать», – подумал я.

Выбравшись из машины, я направился к заправщику, попутно являвшемуся и владельцем заправки. Благодаря множеству пит-стопов, которые я делал на этой заправке, мы с ним состояли в шапочном знакомстве. Бизнес на этой не слишком оживленной заправке шел ни шатко ни валко. «Я бы зарабатывал больше, если бы просто работал на заправке, а не рулил ею», – пожаловался он как-то раз.

– Во сколько мне обойдется комплект белобоких? – поинтересовался я.

– Для этой машины – 160 долларов, но у вас хороший комплект покрышек, – возразил он, устремив на меня взор, крас-

норечиво говоривший, что он чутьем угадал намечающееся предложение.

– Ага, новые шины мне вообще-то не нужны, – согласился я. – Но у меня сейчас отчаянная денежная чахотка. Знаете, что я сделаю? Я куплю комплект этих шин по этой карте. Только шины не возьму. Вместо них вы дадите мне 100 долларов. Шины останутся у вас, а когда мой папа заплатит за них «Мобилу», вы получите свою долю. Вы с самого начала не в накладе, а когда продадите шины, все 160 долларов пойдут в ваш карман. Что скажете? У вас будет денег как грязи, чувак.

Он вглядывался в меня с огоньком раздумчивой алчности в глазах.

– А что скажет ваш старик? – настороженно полюбопытствовал он.

– Он на мою машину даже не смотрит, – пожал я плечами. – Я сказал ему, что мне нужны новые шины, и он велел мне взять их по карте.

Но он никак не мог отделаться от сомнений.

– Дайте поглядеть ваши права. Может, карточка краденая, – сказал он. Я вручил свои юношеские права, где значилась та же фамилия, что и на карте.

– Тебе всего пятнадцать? Выглядишь ты на десять лет старше, – сказал владелец заправки, возвращая их мне.

– У меня за плечами много миль, – улыбнулся я.

Он кивнул.

– Надо позвонить в «Мобил» и получить одобрение, это обязательно при любой крупной покупке. Если дадут добро, то мы договорились.

С заправки я выкатил с пятью двадцатками в бумажнике. Я был просто пьян от счастья. Поскольку я еще не отведал вкус первого глотка алкоголя, я не мог сравнить это ощущение, скажем, с кайфом от шампанского, но это было самое восхитительное чувство, какое я когда-либо испытывал на *переднем* сиденье автомобиля.

По правде говоря, собственная сметка ошеломила меня. Если это удалось один раз, то почему бы не удасться дважды? Удалось. В следующие несколько недель эта уловка срабатывала столько раз, что я и счет потерял. Уж и не помню, сколько комплектов шин, сколько аккумуляторов, сколько других автомобильных аксессуаров купил на эту кредитную карту, а потом продал обратно за часть первоначальной стоимости. Я наведался на каждую заправку «Мобил» в Бронксе. Порой я просто подбивал заправщика дать мне десятку, выписав чек за бензин и масло на 20 долларов. Я истер карточку «Мобил» этой аферой до дыр.

Естественно, я профукал все это на телок. Поначалу я исходил из допущения, что раз мои удовольствия субсидирует «Мобил», то какого черта? А потом в почтовый ящик опустили счет за первый месяц. Конверт был нашпигован чеками за покупки почище рождественского гуся. Поглядев на итоговую цифру, я задумался, не податься ли в монастырь,

потому что вдруг сообразил, что «Мобил» ожидает оплаты счета папой. До тех пор мне как-то не приходило в голову, что в этой игре в роли лоха может оказаться папа.

Я бросил счет в мусорную корзину. Второе уведомление, пришедшее через две недели, тоже отправилось в мусор. Я думал было, не предстать ли перед папой с признанием, но не набрался храбрости. Понимал, что рано или поздно он это выяснит, но решил, что лучше уж ему это сообщит кто-нибудь другой.

Самое поразительное, что, ожидая встречи на высшем уровне между отцом и «Мобил», я отнюдь не угомонился. Я продолжал проворачивать аферу с кредитной картой, тратя башли на милых дам, хоть и осознавал, что облапошиваю папу. Воспаленное половое влечение угрызений совести не знает.

В конце концов, следователь «Мобил» настиг папу в магазине.

– Мистер Абигнейл, вы держатель нашей карты уже пятнадцать лет, и мы ценим вас. У вас наивысший кредитный рейтинг, вы ни разу не запаздывали с платежами, и я здесь не затем, чтобы скандалить из-за вашего счета, – извиняющимся тоном поведал он папе, слушавшему с недоумевающим видом. – Нам просто интересно, сэр, и хотелось бы узнать одну вещь. Просто как, черт побери, вам удалось накрутить счет на 3400 долларов за бензин, масло, аккумуляторы и шины для одного «Форда» 1952 года всего за три месяца? За

последние шестьдесят дней вы поставили на эту машину четырнадцать комплектов шин, купили двадцать два аккумулятора за последние девяносто дней, а галлона бензина вам едва хватает на две мили. Мы даже подумали, что у вас на этой треклятой штуковине нет поддона картера… Вам не приходило в голову обменять этот автомобиль на новый, мистер Абигнейл?

Папа был огорошен.

– Да я даже не пользуюсь своей картой «Мобил». Ею пользуется мой сын, – сказал он, немного придя в себя. – Должно быть, тут какая-то ошибка.

Следователь «Мобил» выложил перед папой несколько сотен чеков «Мобил». И каждый был подписан моей рукой.

– Как он это сделал?! И почему?! – воскликнул папа.

– Не знаю, – ответил агент «Мобил». – Почему бы нам не спросить у него самого?

И спросили. Я сказал, что не имею об этой авантюре ни малейшего понятия, но не убедил ни одного из них. Я ожидал, что папа будет в ярости, но он был больше озадачен, чем рассержен.

– Послушай, сынок, если ты скажешь нам, как это сделал и почему, мы обо всем забудем. Не будет никакого наказания, и я оплачу счета, – пообещал он.

По моему мнению, папа был грандиозным мужиком. Он не солгал мне ни разу в жизни. И я тут же раскололся.

– Это девчонки, папа, – вздохнул я. – Они творят со мной

странные штуки. Я не могу это объяснить.

Папа и следователь «Мобил» понимающе кивнули. Папа с сочувствием положил ладонь мне на плечо.

– Не тревожься из-за этого, мальчик. Эйнштейн тоже не мог этого объяснить.

Если папа и простил меня, то мама нет. Мама искренне расстроилась из-за этого инцидента, а вину за мои проступки взвалила на отца. Она по-прежнему числилась моим юридическим опекуном и решила вывести меня из-под папиного влияния. Хуже того, по совету одного из отцов, работавших в Католической благотворительности[11], к каковой всегда была причастна и моя матушка, она отправила меня в частную школу КБ для проблемных мальчиков в Порт-Честере, штат Нью-Йорк.

На роль колонии для малолетних эта школа не тянула, представляя собой скорее шикарный лагерь, нежели исправительное заведение. Я жил в опрятном коттедже вместе с шестью другими мальчиками, и помимо того факта, что я был ограничен территорией кампуса и находился под постоянным надзором, никаких тягот я не испытывал.

Братья, заправлявшие школой, вели практически такой же образ жизни, как их подопечные. Ели мы все в общей столовой, питание было хорошим и обильным. Имелся кинотеатр, телевизионная комната, рекреационный зал, плаватель-

[11] Католическая благотворительность – сеть благотворительных некоммерческих организаций, одна из крупнейших в Соединенных Штатах.

ный бассейн и гимнастический зал. Я даже не перепробовал все развлекательные и спортивные сооружения, предоставленные к нашим услугам. Занятия мы посещали с 8 утра до 3 часов дня с понедельника по пятницу, а остальное время было в полном нашем распоряжении. Братья не разглагольствовали о наших неправых деяниях и не проедали нам плешь помпезными речами, и нужно было порядком нашкодить, чтобы заслужить настоящее наказание, каковое сводилось к домашнему аресту в коттедже на пару дней. Я ни разу не сталкивался ни с чем похожим на эту школу, пока не угодил в американскую тюрьму. С той поры я частенько гадал, не заправляет ли втайне пенитенциарной системой США Католическая благотворительность.

Впрочем, монастырская жизнь меня донимала. Я сносил ее, но воспринимал свой срок в школе как наказание, да притом совершенно незаслуженное. В конце концов, папа ведь простил меня, а единственной жертвой моих преступлений был именно он. «Так чего ж я тут торчу?» – вопрошал я себя. Однако что не нравилось мне в этой школе больше всего, так это отсутствие девушек. Там царила строго мужская атмосфера. Даже вид монашки поверг бы меня в экстаз.

Знай я, что случилось с папой, когда я отбывал срок, то был бы подавлен еще более. В подробности он никогда не вдавался, но, пока я был в этой школе, он столкнулся с какими-то серьезными финансовыми проблемами и лишился своего бизнеса.

Он был совершенно раздавлен. Ему пришлось продать дом, два своих больших «Кадиллака» и все остальное, представлявшее хоть мало-мальскую материальную ценность. Всего за пару-тройку месяцев папа от образа жизни миллионера скатился к житью-бытью почтового клерка.

Именно в таком качестве он приехал за мной, когда я провел в школе целый год. Мама, смилостивившись, согласилась, чтобы я снова жил с папой. Постигшие его превратности судьбы шокировали меня, вызвав немалые угрызения совести. Но папа не позволял мне взвалить вину на себя. Те 3400 долларов, на которые я его кинул, не сыграли в падении его бизнеса ни малейшей роли, уверял он меня.

– Выбрось это из головы, парень. Это была капля в море, – жизнерадостно заявил он.

Внезапная утрата статуса и финансов его вроде бы совершенно не заботила, но меня она угнетала. Не из-за меня самого, а из-за папы. Он стоял так высоко, был настоящим воротилой, и вдруг работает за жалованье. Я пытался вытянуть из него причину такого оборота.

– А как же твои друзья, папа? – вопрошал я. – Помнится, ты всегда вытягивал их из затруднительного положения. Неужели ни один из них не предложил тебе помощь?

Папа лишь криво усмехнулся:

– Ты еще узнаешь, Фрэнк, что, когда ты на коне, найдутся сотни человек, претендующих на роль твоих друзей. Но стоит тебе упасть, считай себя везунчиком, если хоть один из

них купит тебе чашку кофе. Если бы пришлось начать сызнова, я выбирал бы друзей куда осмотрительнее. У меня есть пара хороших друзей. Они не богаты, но один из них устроил меня работать на почту.

Он отказывался зацикливаться на своих злоключениях и подолгу говорить о них, но меня они тяготили, особенно когда я сидел с ним в его машине. Она была не так хороша, как мой «Форд», который он продал, положив деньги на мое имя. Сам же ездил на потрепанном старом «Шеви».

– Неужели тебя совершенно не волнует, что ты сидишь за рулем этого старого автомобиля, папа? – спросил я его както раз. – В смысле, это же просто драндулет после «Кадиллака». Правда?

– Ты смотришь на это не с той стороны, Фрэнк, – рассмеялся папа. – Важно не то, что у тебя есть, а что ты за человек. Меня эта машина вполне устраивает. Она доставляет меня куда надо. Я знаю, кто я такой и что собой представляю, и это главное, а вовсе не то, что могут подумать обо мне другие. Я честный человек, я это чувствую, и это для меня куда важнее, чем иметь большой автомобиль… Пока человек знает, кто он, он не пропадет.

Беда в том, что в то время я не знал, ни кто я, ни какой я.

Ответ я нашел за три коротеньких года.

– Кто ты? – поинтересовалась шикарная брюнетка, когда я плюхнулся на пляже Майами-Бич рядом с ней.

– Кто угодно, кем только пожелаю быть, – ответил я. Именно так оно и было.

II. Пилот

Я покинул дом в шестнадцать лет, отправившись искать самого себя.

Из дому меня никто не выживал, однако я был несчастен. Ситуация на фронтах моего расколотого дома ничуть не переменилась. Папа по-прежнему хотел завоевать маму по второму разу, а мама не желала быть завоеванной. Папа по-прежнему использовал меня в качестве парламентера в своем втором ухаживании за мамой, а она по-прежнему не одобряла моего бенефиса в роли Купидона. Мне и самому эта роль была не по душе. Мама окончила школу зубных техников, работала в Ларчмонте у стоматолога и была вроде бы вполне довольна своей новой независимой жизнью.

Никаких планов побега я не вынашивал. Но всякий раз, когда папа надевал на себя мундир почтового служащего и уезжал на работу в своей старенькой машине, меня охватывала тоска. Я не мог забыть, как он ходил в костюмах от Луиса Рота[12] и ездил на дорогих автомобилях.

Однажды июньским утром 1964 года я проснулся с мыслью, что пора уходить. «Иди», – будто нашептывал мне какой-то отдаленный уголок мира. И я пошел.

Я ни с кем не попрощался. Не оставил никакой записки.

---

[12] Луис Рот – известный торговый бренд в Лос-Анджелесе.

У меня был чековый счет на 200 долларов в Уэстчестерском отделении банка «Чейз Манхэттен», открытый для меня папой годом ранее, которым я ни разу не пользовался. Выудив свою чековую книжку, я уложил в единственный чемодан свои лучшие вещи и сел на поезд до Нью-Йорка. Отдаленным уголком мира его не назовешь, но я считал, что он может стать прекрасной стартовой площадкой.

Будь я беглецом из какого-нибудь Канзаса или Небраски, Нью-Йорк, со своим бедламом подземки, внушающими благоговение небоскребами, хаотическими потоками шумного уличного движения и нескончаемыми бегущими людей, мог бы заставить меня сломя голову удрать обратно в прерии. Но для меня «Большое Яблоко» было благодатной почвой, во всяком случае, так мне мнилось.

Не прошло и часа после приезда, как я повстречал сверстника и подбил его привести меня к себе домой. Его родителям я сказал, что сам из северной части штата Нью-Йорк, что и мать, и отец мои умерли, и теперь я пытаюсь прожить своим умом, и что мне надо где-нибудь остановиться, пока я не найду работу. Они сказали, что я могу жить у них, сколько пожелаю.

Я вовсе не намеревался злоупотреблять их гостеприимством. Я пылал желанием сделать свою ставку и покинуть Нью-Йорк, хотя в тот момент даже смутно не представлял, куда хочу отправиться или чем заняться.

У меня имелась вполне четкая цель. Я собирался добить-

ся успеха в какой-нибудь сфере. Я собирался взойти на пик какой-нибудь горы. А уж стоит мне там оказаться, как никто и ничто не сможет свергнуть меня с вершины. Я не буду совершать ошибок, сделанных папой. В этом я был убежден абсолютно нерушимо.

«Большое Яблоко» очень скоро оказалось не таким уж и смачным даже для своего родного сына. Найти работу оказалось нетрудно. Я работал у отца на складе товароведом и рассыльным, так что эта сфера деятельности была мне знакома. Начал я с визитов в крупные канцелярские фирмы, представляя себя в истинном свете. Мне всего шестнадцать, говорил я, я не окончил среднюю школу, но хорошо разбираюсь в канцелярском бизнесе. Менеджер третьей фирмы из посещенных мной нанял меня с окладом полтора доллара в час. А я был настолько наивен, что счел эту зарплату вполне адекватной.

Но не прошло и недели, как иллюзии мои развеялись. Я сообразил, что мне попросту не прожить в Нью-Йорке на 60 долларов в неделю, даже если я остановлюсь в самом затрапезном отеле и буду питаться только в закусочных-автоматах. Но куда более обескураживало то, что в любовных играх моя роль низвелась до зрителя. В глазах девушек, встречавшихся мне до той поры, прогулка по Центральному парку и хот-дог с тележки уличного торговца на очаровательный вечер не тянули. Я и сам подобным флиртом был как-то не очень очарован. От хот-догов у меня была отрыжка.

Проанализировав ситуацию, я пришел к такому выводу: ничтожное жалованье мне платят не потому, что я не окончил школу, а потому, что мне всего шестнадцать. Мальчик просто не заслуживает зарплаты мужа.

Так что всего за ночь я возмужал на десять лет. Люди всегда изумлялись, особенно женщины, узнав, что я еще подросток. И я решил, что раз выгляжу старше, то и должен быть старше. В школе я преуспевал в графических искусствах и проделал весьма пристойную работу по изменению года рождения в своих водительских правах с 1948 на 1938-й. А затем отправился попытать судьбу на рынке труда как двадцатишестилетний недоучка с доказательством своего возраста в бумажнике.

И узнал, что тарифная шкала для мужчины без аттестата о среднем образовании не заставила бы творцов закона «О минимальной заработной плате» краснеть. Никто не подвергал сомнению мой новый возраст, но лучшее предложение, какое я получил, составляло 2 доллара 75 центов в час в качестве помощника водителя грузовика. Некоторые потенциальные работодатели напрямик заявляли мне, что зарплату работника определяет вовсе не возраст, а образование. Чем выше его образование, тем выше его зарплата. Я горестно заключил, что недоучка – все равно, что трехногий волк на воле. Может, он и выживет, но ему придется довольствоваться малым. Тогда до меня еще не дошло, что дипломы, как и даты рождения, подделываются очень легко.

Выжить на 110 долларов в неделю я мог бы, но *жить* на эти деньги – нет. Я был слишком уж без ума от дам, а любой ипподромный игрок может вам поведать, что самый верный способ разориться – это ставить на резвых кобылок. Все девушки, с которыми я крутил романы, были резвыми кобылками и влетали мне в копеечку.

Когда мои развлекательные фонды исчерпались, я начал выписывать чеки со своего 200-долларового счета.

Мне не хотелось затрагивать этот резерв, и я старался быть экономным. Я обналичивал чеки только долларов на десять, от силы на двадцать, и поначалу совершал свои чековые транзакции только в отделениях банка «Чейз Манхэттен». Потом я узнал, что магазины, отели, супермаркеты и прочие деловые предприятия тоже обналичивают персональные чеки, если сумма не слишком велика и предъявлены нужные документы. Я узнал, что мои подчищенные водительские права считают вполне надлежащим удостоверением личности, и начал сбрасывать в самых удобных отелях и универсальных магазинах чеки долларов на двадцать – двадцать пять, когда нуждался в наличности. Никто не задавал мне никаких вопросов. Никто не справлялся в банке, действителен ли чек. Я просто предъявлял вместе с чеком свои подправленные права, и эти права мне возвращали вместе с наличными.

Это было легко. Чересчур легко. Через считаные дни я понял, что превысил остаток на счете и выписываемые мной

чеки недействительны. Однако продолжал обналичивать чеки, когда мне требовались деньги в дополнение к жалованью или для финансирования гурманской трапезы с какой-нибудь красивой цыпочкой. А поскольку мое жалованье было настолько жалким, что нуждалось в субсидиях регулярно, и поскольку в Нью-Йорке было больше красивых цыпочек, чем на птицеферме, скоро я уже выписывал по два-три липовых чека за день.

Я даже нашел для себя оправдание своих неблаговидных действий. Папа уж позаботится о недействительных чеках, твердил я себе. Или утихомиривал угрызения совести бальзамом всех мошенников: раз люди настолько глупы, что обналичивают чеки, не удостоверившись в их подлинности, то они заслуживают, чтобы их надули.

Попутно я утешал себя тем фактом, что я несовершеннолетний. Даже если меня поймают, вряд ли подвергнут какому-нибудь строгому наказанию, учитывая мягкость нью-йоркской ювенальной юстиции и снисходительность городских судей по делам несовершеннолетних. А поскольку это первая судимость, меня, скорее всего, сдадут с рук на руки родителям, даже не потребовав возмещения.

Подкрепив свою совесть столь неопределенными смягчающими обстоятельствами, я бросил работу и зажил на доходы со своих липовых чеков. Я не подсчитывал, сколько всучил фальшивок, но мой уровень жизни существенно повысился. Как и уровень моих любовных притязаний.

Впрочем, спустя два месяца штамповки ничего не стоящих чеков я столкнулся с весьма нелицеприятной истиной. Я жулик. Не более, не менее. Говоря уличным арго, я стал профессиональным кидалой. Это меня как-то не очень озаботило, потому что я был успешным кидалой, а в тот момент добиться успеха хоть в чем-нибудь было для меня важнее всего на свете.

А вот что меня заботило, так это профессиональные риски, связанные с ремеслом чекового мошенника. Я понимал, что отец сообщил о моей пропаже в полицию. Как правило, копы не особо утруждаются розысками пропавших шестнадцатилеток, если только не подозревают, что дело нечисто. Однако мой случай являл несомненное исключение, потому что я натворил уйму нечистых дел десятками своих липовых чеков. Я понимал, что полиция ищет меня как вора, а не как беглеца. Каждый торговец и бизнесмен, которого я кинул, тоже наверняка меня высматривает, догадывался я.

Короче говоря, я запалился. Я понимал, что еще какое-то время смогу избегать копов, но при этом осознавал и то, что рано или поздно меня изловят, если я останусь в Нью-Йорке и продолжу заполнять кассовые ящики бесполезной макулатурой.

Альтернативой был отъезд из Нью-Йорка, и эта перспектива меня пугала. Тот по-прежнему отдаленный уголок мира внезапно показался мне холодным и недружелюбным. На Манхэттене, несмотря на нахальную демонстрацию незави-

симости, я всегда, фигурально выражаясь, прятался под одеялом, как ребенок от ночных страхов. Мама и папа были всего лишь на расстоянии телефонного звонка и недолгой поездки на поезде. Я знал, что они откроют мне объятья, несмотря на мои прегрешения. Если же я сбегу в Чикаго, Майами, Вашингтон или какой-нибудь другой отдаленный метрополис, виды на будущее представлялись определенно сумрачными.

Я поднаторел только в одном ремесле – выписывании жульнических чеков. Я даже не помышлял об иных источниках дохода, и для меня это было предметом первостепенной озабоченности. Смогу ли я дурачить торговцев в другом городе так же легко, как водил за нос ньюйоркцев? В Нью-Йорке у меня был реальный, хоть и яйца выеденного не стоящий чековый счет, и действительные, хоть и на десяток лет промахнувшиеся права, вкупе позволяющие мне заниматься своим нечестивым ремеслом с выгодой. В любом другом городе и стопка моих персональных чеков (имя было настоящим, только средства были фиктивными), и мои подчищенные права будут бесполезны. Прежде чем взяться за дело, мне придется изменить имя, раздобыть фальшивые документы и открыть банковский счет на вымышленное имя. Все это казалось мне сложным и чреватым опасностями. Я уже был успешным мошенником. Но самоуверенным мошенником еще не стал.

Я все еще ломал голову над хитросплетениями своего по-

ложения несколько дней спустя, шагая по Сорок второй улице, когда вертящиеся двери отеля «Коммодор» исторгли решение моих закавык.

Когда я уже подходил ко входу в отель, оттуда появился целый экипаж «Истерн Эйрлайнз» – капитан, второй пилот, бортинженер и четыре стюардессы. Все они смеялись, были оживлены и буквально искрились радостью бытия. Все мужчины были худощавыми и статными, а расшитые золотом мундиры придавали им этакий пиратский шик. Все девушки были элегантны и обаятельны, грациозны и красочны, как бабочки, порхающие над лугом. Остановившись, я смотрел, как они садятся в служебный автобус, и думал, что ни разу не видел столь блистательной компании.

Я двинулся дальше, все еще не выпутавшись из сетей их чар, и вдруг меня озарила идея, столь дерзкая по масштабам, столь блистательная по замыслу, что поглотила все мои мысли без остатка.

А что, если мне стать пилотом? Не настоящим, конечно. Мне бы пороху не хватило годы отдать на учебу, тренировки, летную практику и прочие унылые труды, готовящие человека к креслу в кокпите авиалайнера. А что, если бы у меня был мундир и прочие атрибуты летчика авиакомпании? Ну, думал я, тогда бы я мог войти в любой отель, банк или предприятие страны и обналичить чек. Пилотов авиалиний окружают восхищение и уважение. Они пользуются доверием. Располагают средствами. И никто не предполагает, что

пилот авиалиний – местный житель. Или чековый мошенник.

Я стряхнул чары. Идея слишком уж нелепа, слишком уж безрассудна, чтобы даже думать об этом. Да, задачка увлекательная, но глупая.

А потом я оказался на углу Сорок второй и Парк-авеню, и передо мной вырос офис «Пан Американ Уорлд Эйрвейз». Я поднял глаза на гордо вознесшееся здание, но узрел не сооружение из стали, камня и стекла, а вершину, которую надо покорить.

Служащие прославленной транспортной компании даже не догадывались об этом, но именно там и тогда «Пан-Ам» обзавелась своим самым дорогостоящим пилотом реактивного лайнера. Да притом не умеющим летать. Впрочем, какого черта! Достоверный научный факт, что шмель тоже не должен летать. А ведь летает, да еще и попутно собирает уйму меда.

Именно этим я и вознамерился стать – шмелем в медоносном улье «Пан-Ам».

Всю ночь я просидел в раздумьях, уснув только перед рассветом, когда в голове у меня сложился предварительный план. Эту пьесу мне предстояло играть на слух, чувствовал я, но не это ли базис любого познания? Слушай да учись.

Проснувшись вскоре после часу дня, я схватил «Желтые страницы» и отыскал номер «Пан-Ам». Набрал номер коммутатора и попросил соединить меня с кем-нибудь из отдела

вещевого снабжения. Меня тут же соединили.

– Это Джонсон, могу я вам чем-нибудь помочь?

И я бросил жребий, как Цезарь у Рубикона.

– Да, – заявил я. – Меня зовут Роберт Блэк, я второй пилот отделения «Пан Американ», базирующегося в Лос-Анджелесе. – Я примолк в ожидании реакции. Сердце мое отчаянно колотилось.

– Да, чем могу служить, мистер Блэк? – Он был любезен и деловит, и я очертя голову ринулся вперед.

– Мы прилетели сюда рейсом в восемь утра, и мне надо отбыть в семь вечера, – проговорил я, взяв цифры с потолка в надежде, что он не знаком с расписанием «Пан-Ам». Уж мне-то оно было неведомо наверняка. – Ну, не знаю толком, как это получилось, – продолжал я, стараясь подпустить в голос нотки огорчения. – Я в компании уже семь лет, и ни разу со мной такого не случалось. Дело в том, что кто-то украл мой мундир, во всяком случае, его нет, а единственный сменный у меня дома в Лос-Анджелесе. Ну, теперь мне в полет нынче вечером, и я почти уверен, что не смогу это сделать в цивильной одежде… Вы не подскажете, где я могу обзавестись здесь формой, назвать поставщика или вроде того, или одолжить только до конца этого рейса?

– Что ж, невелика проблема, – хмыкнул Джонсон. – Карандаш и бумага у вас под рукой?

Я сказал, что да, и он продолжал:

– Ступайте в компанию «Велл-билт юниформ» и спроси-

те мистера Розена. Он вас снарядит. Я позвоню ему и предупрежу о вашем приходе. Не напомните, как вас зовут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.